

СЕРГЕЙ КЛИМКОВИЧ

А В ПОЛКУ ТОМ

ЖИЛИ-
БЫЛИ...

Сергей Климкович

А в полку том жили-были...

«Четыре четверти»

2019

Климкович С. В.

А в полку том жили-были... / С. В. Климкович — «Четыре четверти», 2019

ISBN 978-985-581-232-7

Повесть «Призвание» и рассказы, включенные в новую книгу Сергея Климковича «А в полку том жили-были...», написаны им в первые годы работы в качестве журналиста в военном информационном агентстве. Каждый рассказ – чья-то судьба, в которой есть свои радости и разочарования, взлеты и падения. Будни военнослужащих с железной дисциплиной и соблюдением устава накладывают отпечаток на поступки и характеры. Ведь это уже не детская игра в оловянных солдатиков, здесь все по-настоящему: и ранние подъемы, и марш-броски, и многодневные учения... Домой – на «гражданку» – они возвращаются возмужавшими, готовыми к преодолению любых трудностей. Книга будет интересна широкому кругу читателей, она – отличный подарок молодому поколению.

ISBN 978-985-581-232-7

© Климкович С. В., 2019

© Четыре четверти, 2019

Содержание

Призвание	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Климкович

А в полку том жили-были...

Повесть и рассказы

© Климкович С. В., 2019

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2019

Сергей Климкович

Печатался в журналах «Неман», «Воин России», «Наш современник».

Первая повесть «Путь к свету» увидела свет в 1997 г.

Издано более 40 книг.

Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей России.

Награды: медаль «За безупречную службу» III степени, нагрудный знак Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу», Национальная литературная премия за 2015 г.

Призвание Повесть

Если бы у Ивана спросили, когда он заметил эту девушку, он не смог бы ответить. Возможно, потому, что видел ее слишком часто, но не обращал внимания. Они вместе садились в один и тот же вагон электрички и ехали каждый по своим делам.

Из военного городка на окраине города, где жил с родителями Иван, только на электричке можно было вовремя попасть на службу, которая располагалась в противоположной части города. Ивану частенько хотелось поспать подольше, особенно после наряда по автопарку, поэтому он с незavidным постоянством опаздывал на раннюю электричку, запрыгивал в следующую, привозившую его на станцию с романтическим названием «Луговина» тогда, когда на плацу части, замерев, уже стояли ровные шеренги солдат и офицеров.

– Равняйся! Смирно! – особенно громко подал команду майор Бардачный. – Командиры подразделений со строевыми записками ко мне!

– Где Вишневский? – зло шипел ротный, кося глаза на улыбавшегося за его спиной прапорщика Луцика.

– Как всегда, – отвечал тот с подхалимским вздохом, словно давая понять, что некоторые вещи в этом мире не меняются, несмотря на всю начальственную мощь ротного. – Вы что, Вишню не знаете?

А Иван в это время, сломя голову и придерживая фуражку, выпархивал из вагона, скакал по путям, мигом пролетал березовую рощу, пулей проносился через КПП и врывался в казарму. Там, естественно, уже никого, кроме дневальных, не было. Далее следовал риторический вопрос: «Че, все уже на построении?», на что дневальный, крутолобый молодец, отвечал охотно: «Давно уж, товарищ лейтенант». Вишневский озадаченно смотрел на часы, скреб пятерней под фуражкой и с отчетливостью представлял пухлое, вечно румяное лицо заместителя командира части майора Бардачного, невзлюбившего молодого лейтенанта с первых же минут его появления в части. Оказаться сейчас на плацу означало неминуемое унижение. Бардачный, оставшийся за командира части, пребывавшего в отпуске, обожал развлекаться тем, что выставял провинившегося – вне зависимости от звания и возраста – перед строем и с едким изяществом оскорблял его, видимо, полагая, что поступал в высшей степени демократично.

Махнув на все рукой, Иван открыл канцелярию, послал дневального налить в чайник воды, после чего заварил кофе, так как утром из-за спешных сборов не успел позавтракать. «Разборок» с ротным – крикливым, задерганным начальством старшим лейтенантом, – он не боялся, поэтому решил расслабиться и выбросить из головы как самого ротного, так и душу Бардачного с его манией величия.

В следующую минуту он думал о девушке, которая каждое утро садилась с ним в один вагон. «Интересно, сколько ей лет?»

Так как девушка выглядела очень молодо, этот мысленный вопрос отличался большой практичностью. По отношению к женскому полу Иван не испытывал той преступной робости, которая однажды настигает некоторых мужчин и не отпускает уж до гробовой доски. Впрочем, робость любого рода не была присуща Ивану Вишневскому. Он запросто входил в любой кабинет и легко общался с незнакомыми людьми.

Родители не затюкали сына излишними наставлениями, все в их семье было просто и ровно. Без истерик, скандалов, без холодной отстраненности, свойственной некоторым нервным мамочкам, считавшим собственное обидчивое молчание высшей мерой наказания для провинившихся членов семьи. Мать и отец редко вмешивались в его жизнь. Правда, не тогда,

когда возник вопрос о продолжении учебы в военном училище, которая давалась Ивану с большим трудом. «Отучишься – можешь делать, что хочешь, – говорила мать. – Но диплом у тебя должен быть. Как бы ни повернулось, диплом всегда пригодится. Сидеть у меня на шее ты не будешь, учти это. А пока мы с отцом поможем чем сможем. Ты только учись».

Поэтому Иван вырос с собственным мнением и взглядом на этот сложный мир, в котором никто ничего на блюдечке не поднесет.

И уж если у человека было собственное мнение, которое он не стеснялся высказать, то автоматически становился первым в «черном списке» начальства. Лейтенанту Вишневному второй год предоставляли отпуск в самый разгар зимнего сезона, его беззастенчиво назначали во все наряды по части и бесконечно «пропесочивали» на совещаниях. Компенсировалось это незлобным характером Ивана. Для него многочасовые совещания являлись неисчерпаемым источником хорошего настроения.

Характер Ивана, уважение к трезво смотрящим на мир людям и полное отсутствие почти-тельности по отношению к откровенно глупым начальникам вскоре сделали его довольно заметной фигурой в части. Некоторые сослуживцы, привычно тянувшие армейскую лямку, отзывались о нем пренебрежительно. Другие, кто просто не мог позволить себе относиться к начальству столь же иронично, раздраженно пожимали плечами, а третьи – с восхищением и завистью воспринимали ту легкость, с которой Иван переносил все тяготы и шишки, сыпавшиеся на него в полку. Что бы ни происходило вокруг него, улыбчивый крепыш Иван Вишневский твердо стоял на ногах.

Итак, наш герой вспоминал о девушке из электрички, потому что выдалась тихая утренняя минутка, и надо было занять голову, чтобы не думать о предстоящем разное ротного.

В это время в канцелярию заглянул дежурный по роте, шустрый и оборотистый сержант Сиренко.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант, – с улыбкой поздоровался он, по давно устоявшейся привычке почти неуловимым движением приподнимая ремень, отягощенный штык-ножом, и прикладывая руку к виску.

– Проблемы? – беззлобно отозвался Иван.

– Подоляко и Самсонов на «губе», – сообщил сержант, подходя ближе.

– Что так? – заинтересованно спросил Иван.

– А потому что мозгов нету! – неожиданно воскликнул Сиренко. – Нашли с кем связываться – с Луциком!

Прапорщик Луцик, умевший непередаваемо льстиво хихикать в присутствии начальства, был настоящим бичом для солдат. Сам из сверхсрочников, Костенька Луцик всеми силами старался показать, насколько он далек от солдатской среды, которая его же и породила. Придирки и наряды сыпались из него на головы солдат нескончаемым потоком. Оставаясь в роте один, он любил медоточивым голоском пригласить в канцелярию солдата и целый час, копируя интонации ротного, выговаривать ему за очередное незначительное упущение.

Совсем беда была для солдат, когда Луцик заступал на гарнизонное патрулирование. «Кто сегодня в патруле?» – спрашивали солдаты у более осведомленных товарищей, состоявших писарями в штабе, и когда получали в ответ: «Луцик», хватались за стриженные головы. Луцик имел самую неприятную особенность абсолютно внезапно, что называется, «как из-под земли», появляться то у почты, то возле продуктового магазина, то в леске, окружавшем гарнизон. И боже упаси того солдатику, у которого не оказывалось письменного разрешения на выход за пределы части. И даже если такое разрешение предоставлялось, это частенько не спасало несчастного от упоминания в рапорте, составляемом начальником патруля для коменданта гарнизона. Со всеми, конечно же, вытекающими. Ибо у расслабившегося воина въедливый прапорщик всегда находил какой-то изъян – будь то чуть запылившиеся сапоги, растегнутая верхняя пуговичка «афганки» или еще что-нибудь в этом роде. Более того, после

проверки всех документов следовала длительная и унижительная лекция, популярно объяснявшая, насколько попавшийся в справедливые руки патруля армейский индивидуум мало отличается от человекообразной обезьяны, бродившей по земле много тысяч лет тому назад.

С особым удовольствием и азартом прапорщик ловил тех, кто, завидев его на горизонте, в отчаянии давал деру обратно в лес, к забору, окружавшему часть. Погоня за дичью вряд ли доставляла охотнику такое удовольствие, как Луцику погоня за нарушителем. А уж пойманный и опознанный солдатик расписывался в рапорте как минимум в образе государственного изменника. «Губа» бедолаге в этом случае была обеспечена.

Во время строевых занятий голос Луцика, отдававшего приказы, как-то по-особому надменный, резкий, звучал громче всех. Даже в том, как он это делал, было что-то издевательское, словно он упивался своей властью, своим правом командовать двадцатью парнями, каждый из которых в любое другое время мог бы придавить его, как муху. И, по-видимому, именно это так грело его душу. Все его слова и поступки отличались вычурностью и бахвальством.

Однажды, чтобы придать своему юному лицу более мужественное выражение, Луцик решил отрастить усы. Свой план он принялся претворять в очередном отпуске. Но любовно выпестованная за целый месяц растительность на верхней луциковской губе была так невыразительна, так бутаторна, что после первого же построения на плацу майор Бардачный, морщась и неопределенно указывая куда-то в область луциковского лица, сказал: «Товарищ прапорщик, чтобы завтра я этого у вас не наблюдал. Вам понятно?»

Надо ли говорить, что растительность исчезла буквально через час.

Солдаты презирали Луцика и всеми средствами, имевшимися у них в рамках безнаказанности, это презрение выказывали. Иногда это были невинные на первый взгляд вопросы о личной жизни прапорщика, которые обычно задавались дружелюбным тоном с примесью ловко разыгранной зависти. Этот прием в разных вариациях солдаты всегда испытывали на самых неуважаемых начальниках.

Как-то Иван стал невольным свидетелем одного такого диалога.

«А что, товарищ прапорщик, у вас “на гражданке” много девушек?» – с нарочно льстивой улыбкой подступал к Луцику самый бойкий боец.

«Да я половину города..., если хочешь знать», – на полном серьезе бахвалился Луцик, видимо, желая поразить голодные на это дело солдатские умы и не подозревая, что ступает на скользкую дорожку.

Умы восхитились и продолжили «допрос».

«А вам по одной в день хватает или как?»

«Бывало и по две», – тоном опытного гуляки отвечал Луцик.

«И что, замужние тоже у вас были?» – допытывался провокатор.

«Ну, бывали и замужние, – с удовольствием делился прапорщик своим интимным опытом. – Они даже приятнее. Их мужики обычно на них уже внимания не обращают...»

«А если, к примеру, муж застукает? Чего делать будете, товарищ прапорщик? Ведь может и прибить. Даже не спросит, как звали. Много ли вам надо», – вздыхал боец, сочувственно оглядывая, прямо скажем, щуплую фигуру прапорщика.

В этот момент Луцик, вероятно, понимал, что разговор перешел в неприятную плоскость, и мгновенно срывался на ор: «Чугунов, ты у меня поговори! Ты у меня в наряде по столовой наговоришься. Ты у меня начистишься картошечки да помоев натаскаешься с молодыми. Я тебе устрою знойные ночи!»

Кары небесные долго еще извергались из уст прапорщика, но солдатский укол достиг своей цели, и этот укол нельзя было замаскировать никакой руганью. Против интуитивного, рожденного в коллективе изощренного и осторожного издеательства прапорщик Луцик был бессилен.

Офицеры по большей части относились к нему равнодушно либо с небрежной снисходительностью, применительной к детям или к слегка больным людям. Да и Луцик не слишком стремился в среду офицеров, предпочитая глухую, уютную замкнутость старшинских каптерок и свои посиделки с другими прапорщиками. Одним словом, прапорщика этого не очень уважали.

А накануне случилось вот что...

* * *

Прапорщик Луцик вышел из квартиры Анны Викторовны и тяжело выдохнул. Как ни уговаривала его Анна остаться на ночь, он все же нашел причины для того, чтобы уйти. Он вообще не понимал, что за бес заставил его пойти к ней опять. Ведь его визиты украдкой к начальнице солдатской столовой, временно оставшейся без мужа, могли видеть из окон соседи. Ко всему прочему и любовь с ней напоминала ему что-то вроде утомительной поездки с назойливыми и бесцеремонными попутчиками... Однако ж и отвертеться было никак нельзя. Аня хотя и добрая, но кто знает, какая обида после отказа может поселиться в ее сердце. А Луцик предпочитал не обижать полезных людей.

На улице было уже сумеречно и довольно прохладно. Последние августовские дни напоминали о скорой осени. Хотя надо сказать, что прапорщику Луцику на осеннюю лирику, излюбленную тему поэтов, было совершенно наплевать. Костя Луцик особой чувствительностью к природным и общественным явлениям не отличался.

Всем достижениям человечества, приобретенным на пути к цивилизации, он предпочитал дружную и похабную компанию, упивавшуюся водкой и разговорами о количестве покоренных женщин. Последнюю книгу он прочел два года назад в наряде по КПП, и то только потому, что кто-то из дежуривших раньше забыл ее в столе. Книжка называлась «Грязные и кровавые». Она очень понравилась Луцику, поэтому он забрал ее с собой. Теперь это была единственная книжка в его комнате в общежитии, часто выполнявшая функцию подставки под горячую сковороду.

Воровато оглянувшись на светлые окна, Луцик быстро закурил и решил сходить в магазин за пивом. Жаркие и слюнявые поцелуи неугомонной Анны Викторовны следовало чем-то залакировать. С этой целью он направился к магазину.

Подходя к почте, увидел нечто такое, что заставило сработать все его военные инстинкты. У таксофона стоял солдат. Вообще прапорщик Луцик, когда заступал начальником патруля, обожал устраивать засады на беспечных солдат возле этого таксофона. И хотя сейчас он не был на службе, азарт охотника взял свое.

По светлomu силуэту, маячившему в сумерках, Луцик определил, что «зверь» попался матерый – старослужащий.

Бросив сигарету, Луцик окликнул нарушителя:

– Товарищ солдат, идите-ка сюда.

Рассчитывая на эффект внезапности, повергавший некоторых в столбняк, прапорщик никак не ожидал, что жертва, которую он уже хотел с триумфом препроводить в штаб, с такой стремительностью пустится наутек напрямик к лесу, в ту сторону, где находился забор части.

– Ах ты, гад... – почти снисходительно выругался Луцик, припуская следом.

Потом, немного позже, он жестоко корил себя за эту глупость.

Они неслись сквозь мокрые кусты, как два полуночных фавна, решивших поиграть друг с другом в догонялки. В какой-то момент прапорщик Луцик, ожидавший больших результатов от своих ног, обутой в легкие и удобные кроссовки, с внутренним негодованием отметил, что не смог реально приблизиться к объекту преследования. Солдат в своих кирзачах ловко уходил от погони.

Впереди показался серый забор из бетонных плит. Солдат одним махом вскарабкался на него и через секунду оказался по ту сторону. Терять добычу прапорщику Луцику не хотелось, поэтому забор он преодолел даже лучше, чем на полосе препятствий. Если уж мерзавец так насобачился бегать, тогда ничего не остается, как постараться хотя бы проследить, в какую казарму он прибежит. Луцик подозревал, что это один из прикомандированных к хозяйственным ротам, одноэтажные казармы которых располагались чуть в стороне от казарм части.

Но прапорщик Луцик не успел осуществить свой замысел. Чей-то кулак, со знанием дела обернутый тряпкой, с потрясающей силой соприкоснулся с его лицом. В глазах Костика Луцика вспыхнуло.

– Ой! – вырвалось у него удивленное.

– Вы не ушиблись, товарищ прапорщик? – осведомился чей-то задорный голос, в котором слышалось проникновенное ехидство. – Вы разве не знаете, что нельзя ночью бродить по лесу?

Через час Луцик сидел в кабинете заместителя командира части и, опуская несущественные детали, поведал, что стал объектом нападения как минимум двух бойцов. При этом с уверенностью назвал фамилии двух самых ненавистных ему солдат. Признаться в том, что ночного боксера он так и не узнал, ему очень не хотелось.

* * *

– Да! Дисциплинка у нас... – покачал головой Иван. – А ты, как я понимаю, заступил дежурным по роте? И куда смотрел?

– Так не они это! Точно говорю! – с обидой возмутился Сиренко.

История с Луциком заинтересовала Ивана не столько потому, что на «губу» попали двое подчиненных (хоть и не из его взвода, но из его роты), сколько скандальное и довольно опасное для солдат утверждение прапорщика о том, что они на него напали. Луцик, как Иван уже знал из опыта, имел обыкновение преувеличивать и приукрашивать действительность в свою пользу.

Конечно, что-то в лесу случилось, но вряд ли это были те солдаты, на которых указал Луцик. Подоляко и Самсонов, эти два неразлучных дружка, могли сачкануть с зарядки, могли профилонить работы, если знали, что наказания не последует... Но откровенно противостоять вредному прапору, отлично понимая последствия, – это не по их части.

– Так ты думаешь, что это были не они, Сиренко? – спросил Иван у сержанта.

– Ну, выходили покурить и позвонить к почте ходили. Но до отбоя и с разрешения ответственного, – пожал тот плечами.

– Но эти двое ведь что-то сказали?

– Говорят, что не трогали они его. И даже близко там не были. Просто он их терпеть не может, вот и пообещал им небо в алмазах, а теперь решил отыграться.

Вот это уже более походило на правду. Луцику представилась прекрасная возможность показать всей этой издевавшейся над ним массе ядовитое жало системы. Когда у человека нет ни авторитета, ни веса в коллективе, а то и другое очень хотелось бы иметь, в ход пускались любые средства, лишь бы получить хотя бы иллюзию собственной значимости. А это уже было опасно для парней, которые могли стать расходными пешками в глупой игре прапорщика Луцика.

– И что с ними теперь будет, товарищ лейтенант? – заинтересованно спросил Сиренко.

– Что-что... Назначат дознавателя, проведут служебное расследование. Если Луцик будет настаивать на своих обвинениях, дуракам этим дисбат светит.

– Вот блин! Встретить бы Цуцика этого «на гражданке»... Таких бы навешал уроду.

– Ты все сказал? – нахмурился Иван. – Сейчас я тебе навешаю, вешальщик. Вместо того, товарищ сержант, чтобы после подъема на кровати в сапогах валяться, командовал бы ротой как положено. Тогда никто бы не шился по каптеркам и кладовым во время зарядки.

– Да кто валялся-то! – возмутился Сиренко, покрываясь красными пятнами.

– А три дня назад, когда я по автопарку стоял, кто тебя с кровати пинками выгонял?

– А вы, блин, походите в наряды через сутки, когда по части капитан Окунь. Он за ночь по десять раз к себе вызовет...

– А про тяготы и лишения воинской службы ты что-нибудь слышал? – смягчился Иван.

– Ага, слышал, – хмуро и многозначительно кивнул сержант.

– Вот и преодолевай их мужественно, без нытья и соплей. Нашел меня чем разжалобить – капитан Окунь его десять раз вызывал! Надо будет – и сто раз вызовет. Ты что, Сиренко, в детском саду? Может, сосочку тебе дать пососать?

– Всегда так... Вы солдат за людей не считаете, – буркнул Сиренко, явно пристыженный напоминанием о своем лежании на кровати.

– А вы ведите себя как люди. Пришли в армию – служите, – продолжил Иван. – Вы же как дети малые – прячетесь по кладовым, каптеркам и очкам, юлите чего-то. Как не мужики, в самом деле. Тебя это в первую очередь касается, Сиренко. Еще раз говорю: командовать своим личным составом надо, когда дежурным заступаешь. Лычки у тебя не для красоты прилеплены, дружище.

– Командовать... Я же с ними живу, ем, сплю – как мне ими командовать? Чтобы такой сволочью стать, как Синий из второй роты, много ума не надо. Тот на «губу» любого отправит особо не задумываясь. Они со старшиной свои делишки проворачивают, так он в каптерке иногда ночует, типа дистанцию от остальных держит.

– Ну и ты держи, – посоветовал Иван, отлично понимая всю бесполезность своего совета, поэтому и прозвучавшего еще более иронично.

– Ой, товарищ лейтенант, как будто вы сами не знаете, что это такое! Тогда же все пацаны тебя чмом считать будут. А мне это надо? Я через восемь месяцев сделаю армии ручкой и забуду про все это, – и сержант оттянул двумя пальцами мешковатую куртку камуфляжа.

В это время в коридоре казармы послышался характерный топот. Построение на плацу закончилось.

– Дежурный по роте, на выход! – скороговоркой выкрикнул дневальный, и Сиренко выскочил из канцелярии.

Почти сразу на пороге появился ротный. Старший лейтенант Варенков предпочел сразу взять быка за рога.

– Ну че, военный, опять опоздание? Я, блин, сколько раз повторять должен?! – фуражка ротного полетела на стол. – Вставай раньше или ночуй в казарме! Я, блин, заколебался от Бурика каждый раз выслушивать умные нотации на тему лейтенанта Вишневого.

Белесые усы Варенкова топорщились от негодования, а глубокие, с синей каплей глаза стали колючими и злыми. Именно этого выражения в глазах ротного и опасались всегда солдаты. Колючий взгляд вполне мог означать марш-бросок с оружием и вещмешками, бег на три километра, копание окопов на пустыре за боксами автопарка или увлекательную игру в «сло-ников» – надевание защитного комплекта на время. Поэтому бойцы и старались по мере сил не доводить ротного до крайностей.

– Отсюда и дисциплина в роте, отсюда туча взысканий, и на контрольных проверках руки выкручивают, – ротный сел за стол и нервно раскурил сигарету. Так как Иван молчал, Варенков постепенно начал успокаиваться.

– Бери бумагу и пиши объяснительную.

– Ну если тебе от этого станет легче... – вздохнул Иван и достал из своего сейфа папку с чистыми стандартными листами, приготовленными специально для таких случаев.

– Мне от этого легче не станет, товарищ лейтенант! – снова взорвался ротный. – Но за тебя я подставляться не буду.

«Не подставляться!» – было девизом старшего лейтенанта Варенкова. На претворение этого девиза в жизнь ротный тратил почти все свои служебные силы.

Одного из бойцов, имевшего несчастье признать в себе дар художника, Сергей Николаевич загружал рисованием многочисленных и нелепых графиков, которые требовало штабное начальство, имевшее обыкновение вносить бесконечные поправки в уже сделанную работу. Ротный и сам засиживался допоздна, выписывая планы работ, которые никогда не выполнялись. Но все у него получалось как-то резко, хаотично, бессистемно, без намека на эффективность. Иногда, в порыве страстного желания поднять физический уровень подчиненных солдат, он сам принимался ежедневно перед ужином бегать с ними по стадиону, лично проводил занятия по строевой подготовке и ЗОМП. А иногда неожиданно оставлял роту без своего отеческого внимания – долго возился в автопарке под капотом своей «Волги» либо днями напролет играл в нарды с черноволосым прапорщиком Шанкевичем. Поэтому ротному, несмотря на все его старания, частенько доставалось...

В канцелярию бочком проникли еще двое из руководящего состава первой роты.

– А, проходите, господа военные – красивые и здоровенные! – зловеще обрадовался Варенков. – Проходите, не стесняйтесь, кадрики. Компания придурков, как на подбор. Еще один взводный на мою голову. Так где это вы, товарищ старший лейтенант Бондаревич, забыли ваше удостоверение? Разве я не говорил в пятницу, что Бардачный может на построении в понедельник проверить документы? Говорил?

– Николаич, ну забыл я! – тонким голоском отозвался огромного роста и нелепого вида из-за немного короткого в рукавах кителя старлей, пересидевший на своей должности командира взвода уже второй срок.

– А башку ты свою почему дома не забыл?

– Да привезу я ему после обеда документы...

– Нет, не после обеда, а во время своего обеда. Поедешь и привезешь.

Старший лейтенант Бондаревич, или Бонд, как все, не сговариваясь, его называли, поражал своей силой, не ограниченной разумом. Именно в его руках почему-то чаще всего оказывались неизвестно как оторванные дверные ручки, оконные шпингалеты и лестничные перила. А начальник физической подготовки части наотрез отказывался пускать Бондаревича в спортзал после того, как тот во время игры в мини-футбол с такой силой ударил по мячу, что тот врезался в сетчатое ограждение на потолке и расколотил половину светильников.

– Так, теперь ты, Шанкевич, – повернулся к прапорщику ротный. – Что ты в казарме в выходные делал?

– Делал, делал... Ничего я не делал, командир! – сначала невнятно пробормотал, а потом выкрикнул прапорщик.

– А как тебя Бардачный выловил?

– Ничего он меня не выловил. Он на уазике мимо проезжал.

– А ты дефилировал перед ним, как на показе мод. Сколько раз я говорил: если у тебя выходной – нечего тебе делать в казарме. Хорошо еще, что он тебя не остановил.

В дверь канцелярии изобразили короткий стук, после чего вошел сержант Подгорный:

– Товарищ старший лейтенант, рота построена.

– Хорошо, сейчас иду, – кивнул Варенков, жадно затягиваясь сигаретой. – Ну а теперь о самом вкусном. Иван, ты в курсе, что два наших бойца сидят на «губе»?

– Уже доложили, – кивнул Иван, заканчивая свою объяснительную размашистой подписью.

– А доложили, за что?

– В общих чертах.

– В общих чертах... – повторил за Вишневым ротный, и в голосе его слышалось мрачное удовлетворение. – А почему в общих чертах? Потому что ты ничего не знаешь! А почему не знаешь? Потому что ты взводом своим не занимаешься! Где твои планы занятий? Где дисциплинарная практика? Все хиханьки-хаханьки с солдатами! Наплевать тебе на взвод! Наплевать на роту! Че ты тогда в армии делаешь, а?

– Мне к объяснительной и рапорт об увольнении приложить? – спросил со спокойной улыбкой Иван.

– Ты уволишься, – кивнул Варенков. – Уволишься. По несоответствию. Это я тебе гарантирую. А пока занимайся делами взвода. У тебя, блин, техника до сих пор не принята! Уже, кстати, целый год прошел.

– А я ее и не приму. Она разукомплектована наполовину. Я не видел акты некомплектности. Поэтому и не приму.

Для ротного вопрос с техникой был большой мозолью, и он решил немедленно переметнуть тему:

– Мало того, как я уже говорил, во взводе у тебя бардак. Распустил этих гавриков, а нам всем расхлебывай. Теперь вот садись и пиши на них характеристики. Только не надо расписывать, какие они хорошие, исполнительные и знающие уставы...

– Они нормальные ребята и уставы действительно знают, – возразил Иван.

– Если бы знали, не сидели бы сейчас на «губе», – не глядя на Ивана, подал голос Бондаревич, за которым никто и никогда не замечал ни малейшего несогласия с ротным. – Нет, в самом деле, Иван...

– Чья бы корова мычала, – усмехнулся Иван. – Меня мои солдаты в «чипок» за лимонадом не посылают. И не пошлют.

– Да сколько раз объяснять, что я сам туда шел, а они меня попросили! – покраснев и взмахнув руками-мельницами, воскликнул Бондаревич.

Тугодумный и не по возрасту наивный старлей до того момента, как это не подметил Вишневский, всерьез полагал, что не было ничего зазорного в том, чтобы оказывать солдатам мелкие услуги, как-то – купить «по пути» в чайной сигарет, газировки или печенья. Причем иногда одалживая свои собственные деньги. Готовность услужить, неуклюжесть и безотказность Бонда были так явны, что солдаты беззастенчиво использовали старшего лейтенанта. И только после того, как Иван во всеуслышание сообщил об этом в свойственной ему ироничной манере, Бондаревич устыдился.

Но от того, что Бонд перестал бегать по невинным солдатским поручениям, уважения к нему среди солдат не прибавилось. Несмотря на свои подавляющие воображение размеры, старший лейтенант Бондаревич ни голосом, ни манерами не внушал почтения к своей офицерской особе. Более того, солдаты дразнили его даже откровеннее, чем Луцика. Старлей, конечно, на провокации не поддавался, но где ему было найти растерянное вконец уважение?..

– Все, кончили препираться! – поднялся Варенков, раздавив сигарету в пепельнице. – Пошли строиться. А ты пиши, пиши, – кивнул он Ивану. – Потом всю эту бодягу отдашь замполиту.

Так началась эта неделя, которая, как потом оказалось, повлияла на всю дальнейшую жизнь Ивана Вишневого. Но сам он об этом еще даже не догадывался.

* * *

Девушку звали Катя. Чудное имя для восемнадцатилетнего белокурого создания с мягким выговором и кошачьими повадками.

Она походила на ухоженный декоративный цветок, который хотелось лелеять и беречь.

И этот цветок по имени Катя рос в соседнем доме, буквально через дорогу от дома Ивана. Вполне возможно, что раньше он видел ее, еще девочкой, когда она бегала по двору с подружками, нянчила кукол и лепила песочные пирожки, но, естественно, не обращал на нее никакого внимания. Однако цветок вырос, распустился и восхитил Ивана своей особенной красотой.

Впервые он решил заговорить с ней в электричке. Именно решил, а не решился. Потому что слово «решился» предполагает длительные размышления и робкие сомнения. А сомнений задорное сердце Ивана не испытывало или испытывало крайне редко.

Он пробрался к ней поближе, чуть толкнул ее, вежливо извинился, посетовал на бесцеремонных пассажиров и тут же, очаровательно улыбаясь, предложил познакомиться.

Девушка любезно, но холодно ответила на попытку, по-видимому, веселого, но и явно нагловатого молодого человека обрести в ее лице друга (наивная!). Она отвечала ему со сдержанным кокетством, не забывая соблюдать дистанцию.

Как оказалось, девушка Катя жила с мамой, папой и сестрой. Училась она на курсах бухгалтеров. Любила читать, гулять с друзьями по городу и вязать.

Иван, которому в принципе на данный момент было совершенно наплевать на ее увлечения, изображал внимание, интерес и полное единодушие взглядов. К концу поездки Катя, абсолютно этого от себя не ожидая, выложила молодому, симпатичному военному всю информацию о себе и дала номер своего телефона.

На станции «Луговина» военный выскочил из электрички и ухитрился еще помахать ей фуражкой в окно, чем вызвал ухмылки пассажиров. Катя смутилась и постаралась сделать вид, что махания предназначались совсем не ей.

Сам же Иван был вполне доволен собой. Он был уверен в одной простой истине, заключавшейся в странном предпочтении, оказываемом девушками нагловатым молодым людям.

К слову, никто не приходит в восторг от мямлей, не способных заполнить собственной персоной все паузы и промежутки. Мямли, пусть даже тысячу раз положительные со всех точек зрения, всегда внушают девушкам беспокойное чувство незащищенности. А девушки так себя чувствовать страшно не любят. Им подавай круговую кирпичную кладку, стену, броню, за которой так приятно прятаться от мелких и крупных проблем.

Иван был именно из разряда такой кирпичной кладки. Оттого и бит был по молодости лет. Его инстинкт защитника срабатывал в самых банальных ситуациях. Иван явно не принадлежал к хлипкому поколению, предпочитающему индифферентно отворачиваться от безобразной сцены приставания каких-нибудь подвыпивших подонков к смертельно испуганной девушке. И именно в такие моменты становилось понятно, кто чего стоит. Особенно это касалось друзей.

Однажды два его товарища просто-напросто незаметно слиняли, когда стало понятно, что драки из-за двух попросивших о помощи девушек не избежать. На следующее утро, когда Иван сидел с распухшими губами дома, один из друзей позвонил ему и признался, что сдрейфил. Признался просто, без обиняков и самооправданий. Попросил прощения. Второй же при встрече с иронией поинтересовался, кто это так разрисовал Ивану физиономию. Этого нарочито разыгранного непонимания, за которым скрывались обыкновенная трусость и ничем не подкрепленная бравада, Иван ему не простил. Мелкая, безобразная, уживавшаяся с совестью трусость противна всегда, а для Ивана в особенности. Он с пониманием относился к слабостям других, но терпеть не мог, когда эти слабости рядили в фальшивую самоуверенность. И имя этого второго парня Иван навсегда вычеркнул из списка своих друзей.

Что касается Кати... Он еще не знал, свяжет ли их что-то в будущем, но приложить определенные со своей стороны усилия все же решил. Он чувствовал себя полным задора и той самой курсантской изобретательности, которая иногда выручала, а иногда ставила под угрозу судьбу...

* * *

Гауптвахта части располагалась на большом пустыре, прямо за автопарком, закрытая от всех взоров высоким забором. Впервые Иван шел по дорожке к караулке без ощущения дискомфорта, сопутствующего каждому заступлению в караул, и глухой тоски от того, что на целые сутки выбываешь из привычной жизни и имеешь дело только с четкими инструкциями и милостью различных проверяющих. На этот раз и утреннее солнце казалось более приветливым, и голоса птиц веселее, и краски вокруг ярче. Ивану дышалось легко и свободно. В отличие от тех, кому пришлось сидеть за этим забором.

Вход на территорию караулки преграждали большие железные ворота. Рядом с ними приютилась открытая кирпичная будка, в которой стоял полевой телефон. При приближении Ивана за забором послышался нестройный и бодрый лай многочисленных собак, которых добросердечные бойцы кормили своей часто малосъедобной пайкой.

Сняв трубку, Иван крутанул ручку и проговорил:

– Смольный! Всю геволуцию пгоспите!

– Помощник начальника караула сержант Шульцов слушает, – отозвалась трубка.

– Ты не слушай, ты открывай, – сказал Иван весело.

– А, товарищ лейтенант, – обрадовалась трубка. – А чего к нам? Освоить отремонтированную офицерскую камеру? Будем очень, очень рады.

– Я тебе сейчас освою, радость моя, – хохотнул Иван, – если ты сей момент не явишься сюда с ключиками.

– Намек понял, товарищ лейтенант.

Через минуту из караулки вышел улыбающийся контрактник Шульцов, бог знает по каким таким резонам пришедший в армию «с гражданки». Все вроде у него было хорошо. Жил с матерью в собственной квартире. Как коренной горожанин мог найти себе работу повыгоднее, но, судя по всему, любил служить. Служить бескорыстно, держась за одно только осознание своей необходимости здесь.

Шульцова, казалось, ничто не могло смутить. Ни скудная зарплата контрактника, ни хамство некоторых начальников, ни постоянные задержки с выдачей обмундирования, ни бесконечные наряды, ни пресловутая формулировка о «ненормированном рабочем дне». Такая терпимость не могла не вызывать подспудного уважения. Как и чувство юмора Шульцова.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант, – улыбался он, открывая калитку.

– Здорово, бездельник, – поздоровался Иван с контрактником за руку. – Федя спит?

– Начальник караула отдыхает после завтрака, – ненавязчиво поправил его сержант, словно говорил об августейшей особе.

– Понял. А начгуб?

– Проводит строевую подготовку с арестованными.

– Ага, даже так... Типичные видовые армейские признаки – хлебом не корми, дай только походить строем.

– Удивительно точное наблюдение, коллега. Два часа без передыху! А чего стоит инстинктивное вытягивание носков в шаг! А оригинальные махи верхними конечностями! Нет, это надо видеть и изучать, коллега.

– Так где они теперь, голубчик? – поддержал Иван его шутливый профессорский тон.

– В естественной среде, конечно же! В естественной среде! – округлив глаза, словно удивляясь недогадливости «коллеги», проговорил Шульцов. – На маленьком, чудном, освещенном палящим солнцем асфальтовом плато. У них самый разгар игрищ. А командные крики вожака – просто верх совершенства!

– Что ж, идемте, идемте, голубчик. Понаблюдаем, – напустив на себя серьезный вид, сказал Иван.

Они прошли здание караулки, повернули за угол и оказались у ограждения, шедшего по периметру небольшого плаца и отделявшего внутреннюю зону гауптвахты от территории караулки. Маленький плац был любовно оформлен специальными квадратными разметками, по которым усиленно вышагивали трое бойцов, двое из которых были Подоляко и Самсонов. Третий боец – маленький, тщедушный веснушчатый паренек по фамилии Чижик старался больше всех.

Боец Чижик из второй роты сидел уже седьмые сутки (из десяти объявленных) из-за своих родственников, приехавших к нему на прошлые выходные целой делегацией. Те с деревенской простотой и настойчивостью, видимо, уговорили его отведать продукцию домашнего винокурения. За встречу, надо полагать. Сколько там Чижик отведал, неизвестно, только по пути к казарме имел он несчастье встретиться на одной дорожке с замом командира части по тылу Логиновым, которого никто никогда не видел отправляющимся куда-либо без своего уазика, но которому взбрело в голову пройти по лесочку от банно-прачечного комбината до столовой пешком. Сердобольный майор, встретив солдата Чижика, бредущего по лесу к казарме и с шумом извергавшего из себя домашние закуски, выказал теплое участие к его нелегкому состоянию и предложил проводить. Так они и пришли, держась за ручки, к самым воротам гауптвахты.

Старательный деревенский парень, чувствуя свою вину и явно раскаиваясь, был идеальным арестантом. Его ходьба на плацу напомнила Ивану телевизионные кадры, демонстрировавшие смену караула у мавзолея Ленина. Ивановы же филоны тоже старались под бдительным взглядом начгуба, но без всякого энтузиазма.

– Р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, два, тр-р-и! Р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, два, тр-р-и! Подоляко, ножку выше-е! Носочек тяну-у-ть! – командовал прапорщик Юрочкин голосом, бившим по ушам, словно звук низко пролетавшего реактивного самолета. – Чижик, не машите руками, как мельница. Кулачок должен подниматься чуть выше ремня, а он у вас совершает движение чуть ли не до самого подбородка. Рука назад и до отказа, а не в сторону! Р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, два, тр-р-и! Круго-о-м... арш!

Арестанты дружно развернулись и пошагали в противоположную сторону.

– Отвратительно! – морщась, констатировал Юрочкин.

– Да. Хомо армиус оригиналис, – тихо сказал Иван. – Вне всякого сомнения.

– Вы заметили эти характерные для данного вида телодвижения? – подхватил Шульцов. – Какая строгая грация, какое своеобразие!

– Чудно, – согласился Иван.

– Блеск, – причмокнул Шульцов.

– Еще раз убеждаюсь, насколько богата и щедра природа, создавшая такие замечательные экземпляры.

– Да, пусть они живут только благодаря инстинктам и условным сигналам, – с плутоватой искрой в глазах проговорил сержант, – но для природы ведь важен каждый вид.

– И я того же мнения, голубчик. Ах, как идут, как идут! – восхитился Иван. И крикнул в решетку, пытаясь привлечь внимание Юрочкина, словно нарочно их не замечавшего: – Товарищ прапорщик! Выделите мне, пожалуйста, на несколько минут двоих созданий из этой великолепной троицы для изучения. Хочу открутить им бошки и посмотреть, что там внутри.

Скосив в его сторону взгляд, Юрочкин скомандовал несчастным:

– На месте-е-е... Р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, р-р-я-я-з, два, тр-р-и! Стой! Раз-два!

Бойцы замерли, вытянув подбородки. Куртки у всех на спине потемнели от пота.

– Рядовой Шевко! – окликнул начгуб конвойного, томившегося с автоматом в тени здания. – Проведите арестованных Подоляко и Самсонова к месту допроса.

– Куды, товарищ прапаршык? – со скрытой обидой переспросил конвойный, который в данную минуту если куда и хотел двигаться, так только в тихую, прохладную и спокойную комнату отдыха.

– На кудыкину гору! – с армейской четкостью пояснил прапорщик Юрочкин. – А для особо одаренных поясню – к месту для курения. Понятно, рядовой Шевко?

– Так бы и гаварыли... – со скрытым негодованием пробормотал конвойный.

Шаркая подкованными сапогами, он вывел из куцега строя двух бойцов и препроводил их за решетку к лавочкам, расположенным полукругом в тени разлапистого клена. Подоляко и Самсонов с видимым наслаждением опустили на лавочки. Иван подошел к ним, сел рядом и снял фуражку.

– Ну, что, дурики, доигрались?

Оба арестованных угрюмо промолчали.

– Вот так, значит. С родным начальством говорить не желаете?

– А чего говорить? Все всё уже знают, – отозвался наконец более говорливый Подоляко, черноволосый и высокий молодец, чем-то напоминавший цыгана. Блондинистый Самсонов, являвший собой полную физическую и характерную противоположность своему дружану, продолжал молча затягиваться сигаретой. Он, казалось, не проявлял ни малейшего интереса к предстоящему разговору, а рассеянно смотрел куда-то в сторону Чижики, снова отправившегося в поход по квадратам под руководством начгуба.

– А вы представьте, что я ничего не знаю. Вот случилась со мной такая беда.

– Товарищ лейтенант, вот вы издеваетесь... – с горячностью начал было Подоляко, но Иван с ироничным возмущением прервал его:

– Я издеваюсь? Да я вас до сих пор по головке гладил. Потому что жалко мне вас. До слез. До надрыва моей широкой души. А жалко мне вас потому, что из-за своей лени, дурной тяги к нычкованию и нарушению распорядка дня вы окажетесь в таком переплете, после которого вы, доблестные воины, не скоро попадете домой к своим мамочкам, папочкам и подружкам. И будут они стоять под забором дисбата и лить горячие слезы.

– Да не трогали мы его. Не трогали, – тихо сказал Самсонов.

– А прапорщик Луцик пишет в рапорте, что вы с нецензурной угрожающей руганью толкнули его в грудь, отчего он оступился, упал на спину и получил в результате красивый синий фингал...

– Что?! – хором выкрикнули арестанты так громко, что даже Юрочкин отвлекся от строевых экзерсисов с участием своей жертвы. – Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, не было этого... Ничего не было... Честное слово!

Перебивая друг друга, они затараторили, словно политики на последних секундах предвыборных теледебатов.

– Стоп, стоп, стоп, – потребовал Иван. – Так значит, вы говорите, что ничего не было. Но почему тогда прапорщик Луцик лупит себя в грудь и утверждает обратное?

– Потому что он... – снова начал Подоляко.

– Стоп! Только без милых нашему сердцу слов. Иначе все будет понятно без дальнейших объяснений. Итак, с чего у него такая жуткая к вам любовь, золотые вы мои?

Оказалось, однажды прапорщик Луцик пришел проводить зарядку, а эти двое спрятались в кладовой. Когда Луцик их обнаружил, они стали убеждать его в том, что старшина приказал им пересчитать белье перед сдачей в прачечную. Луцик вскипел, бросился вызывать дежурного по части, но споткнулся и упал. Солдаты не сдержали смеха, а Луцик от злости пообещал им, что они его еще запомнят.

Вот это уже более походило на правду. Луцик споткнулся, солдаты засмеялись – и зловредному прапору моча ударила в голову.

– С вами уже кто-нибудь говорил?

– Ромашкин, – буркнул Самсонов. – Прибежал, говорит: ну, придурки, сидеть вам до посинения. Наперечислял кучу статей, каких-то приказов, собрал свои бумажки и снова убежал... Мы его не трогали, товарищ лейтенант.

– Ага, военные прокуроры умрут от смеха. Сказка про белого бычка, дорогие мои, – вздохнул Иван. – Никто, кроме того неизвестного солдата и Луцика, не знает, что произошло возле того забора в лесу. Луцик написал рапорт. Вонь поднимется до самых небес. Из-за вашей собственной глупости вас сожрут с потрохами. Шутить с системой не стоит!.. Вот вам по листу бумаги. Прямо сейчас пишите объяснительные на мое имя. Вы хоть и дураки, но тюрьма и людей дурнее вас не исправляла.

* * *

Идея пойти в ресторан принадлежала Руслану, тому самому из двоих друзей Вишневого, который сбежал от драки, а потом извинился за это перед Иваном. За прошедшие годы Руслан заматерел и перешел в разряд тех, кому при встрече дружески и иронично говорят: «Привет, бычара!» На поясе у него теперь неизменно болтался пейджер, а на пальце непристойно красовалась большая золотая печатка. Впрочем, впечатление, которое он оставлял, было всего лишь частью правды, дымом, пускавшимся в глаза окружающим.

Надо сказать, что Руслан имел не красящую его привычку переоценивать свои силы, внушать ложное впечатление и изрядно потом страдать от этого. Подвизался он в торговле строительными материалами, но сам из себя ничего финансово не представлял. Хуже всего было то, что Руслан иногда вел себя как раз наоборот своему истинному положению – подавал себя как «крутого парня». Вальяжно, со специфическими жестами денежного воротилы.

Просто черт какой-то дернул Ивана согласиться пойти вместе с Катей в ресторан в компании Руслана и его очередной пассии. Высокая и худая девица с манерами аристократки, видимо, скрашивала его тяжкие будни, наполненные ожиданием появления потомства. Жена Руслана находилась на девятом месяце и лежала в больнице. Но на страже семейной морали стояла теща. Потому Руслану приходилось «тыкаться» (как он говорил) по ресторанам и чужим квартирам... Тяжкая доля.

У Ивана было с собой двадцать баксов, поэтому предложил купить закуски, выпивки и посидеть в парке. Это разумное (учитывая финансовые ресурсы) предложение было Русланом решительно отвергнуто. И, как потом понял Иван, размахом тот хотел поразить не столько свою Викторину, которая знала всю подноготную Руслана, сколько Катеньку, этот нежный цветок, оказавшийся рядом с другом. «Все будет путем, – весело шептал Руслан на ухо Ивану. – Я тебе отвечаю. Посидим как люди. Что нам по этим паркам шляться?»

Препираться с безрассудным приятелем на виду у девчонок показалось Ивану смешным и мелким. В конце концов он тоже не был лишен душевной широты и размаха. Мысленно пообещав не заказывать лично себе ничего дорогого, Иван согласился.

В ресторане, как только их усадили за столик и принесли меню, Руслан жестом миллионера на отдыхе великодушно передал меню дамам: «Заказывайте!» Иван со смутным беспокойством понял, что это только начало. Дамы, получившие карт-бланш, видимо, решили использовать его на полную катушку. «Ух ты моя прелесть», – сделав губы трубочкой и потрепав своего спутника за полную щеку, довольно произнесла Виктория – и приступила к разграблению. За мидиями в белом вине последовала горбуша, запеченная с сыром, потом куриные окорочка, фаршированные грибами. Вино для женской части и водка для Руслана (решили, что всю честную компанию развезет по домам Иван). Чем дальше, тем больше...

Пьяненький Руслан громко чмокал свою пассию и одновременно пытался объяснить Кате, как он завидует своему Ивану, потому что тот отхватил себе такую девушку... Катя же

вежливо смеялась, лениво клевала безумно дорогие блюда и, казалось, не испытывала никакого дискомфорта, находясь рядом с практически незнакомыми людьми.

После первых же решительных атак Ивана она полностью ему доверилась. До этого похода в ресторан они мило погуляли по городу, несколько раз сходили в кино, посидели в кафе за чашкой кофе. И говорили... Впрочем, говорил в основном Иван. Кате было безумно интересно его слушать. Кроме того, ей льстило внимание молодого, обходительного офицера, имевшего машину и квартиру. «У тебя в жизни было и должно быть все лучшее», – говорила ей мать. А Иван Вишневский, сильный, мужественный и уверенный в себе, и был самым лучшим, потому что выгодно отличался от разболтанного поколения «унисекс», в котором напроочь стерлись границы между мужественностью и женственностью.

Парни и девчонки словно бы смешались, стали похожи друг на друга и в одежде, и в прическах, и манерой поведения. Курить, пить пиво, украшать себя фенечками, носить все безликое на размер больше, отвязно тусоваться, фоткаться, жевать резинку без сахара, смеяться над странными преподами в универе, целоваться специально на виду у всех... Короче, двигаться по жизни, не задумываясь о серьезных вещах, – это была их стихия. Но в том-то и дело, что Катенька не могла не задумываться. Так уж ее приучила мама. Из множества ее высказываний о том, как должна устраиваться в жизни молодая девушка, не лишенная привлекательности, у Кати сложилась смутная, но вместе с тем достаточно определенная картина своего будущего – машина, уютненькая квартирка, муж-добытчик, шашлыки в компании друзей на выходные, чашка горячего чая с малиной и заботливо подоткнутый плед, когда она больна, веселые и обходительные обеды с родителями, отпуск с мужем в Болгарии, на худой конец в Крыму, один ребенок...

Дальше было еще более смутно. Ребенка Катя представляла себе в виде хрупкой куколки, которая будет все время спать в своей кровати, и ее можно с гордостью показывать родственникам и знакомым. А уж мечты о том, как они с мужем катят по дорожке коляску, вовсе приводили ее в тихий восторг.

Иван Вишневский вполне подходил на роль мужа. С чувством юмора, сильный, черноволосый, с глубокими голубыми глазами... Ростом, правда, не вышел, но фигура атлета компенсировала этот недостаток. В нем угадывалось нечто истинно мужское – способность принимать решения и прилагать все силы к их выполнению. Что касается ее самой... Она не была идиоткой и отлично понимала, к чему вели букеты цветов, прогулки, длинные разговоры и ресторанные посиделки. Мужчины, проявляя интерес, полагали, что женщины до последнего момента не догадываются об этом интересе. Как будто женщина слепо идет в ловушку, не понимая, что ее там ждет... Но она отлично знала. И ждала этого момента. Платонические вздохи под луной указывали бы только на то, что мужчина болезненно нерешителен, а с такими людьми связываться не стоило.

Судя по всему, Иван таким недугом не страдал.

Катя исподволь, украдкой наблюдала за ним. Она пыталась представить его в постели: бесстыдство движений этого волосатого скакуна, откровенность поцелуев... Это должно быть что-то неистовое, мощное, повелевающее и одновременно нежное.

Она вспомнила старую песенку про младшего лейтенанта, а также реплику одной киногероини о том, как стать генеральшей, – и улыбнулась, как могут улыбаться только умные, с далеко идущими планами женщины.

Пока Катенька предавалась приятным мечтам, Иван мысленно пытался подсчитать, сколько же Руслан должен добавить к его двадцатке, чтобы расплатиться за шикарно проведенный вечер.

– У тебя сколько бабок? – спросил он тихо, когда девчонкам принесли десерт.

Руслан, пытавшийся поднести пустую вилку ко рту, повернулся к Ивану, и в его глазах начало проступать осмысленное выражение.

– Пятнадцать, – почему-то глупо улыбнулся приятель.

Ничего больше не сказав, Иван попросил счет. Счет принесли, и из него стало видно, что вечер обошелся в сумму, равную восьмидесяти долларам.

– Пошли-ка выйдем, – поднялся Иван и потянул Руслана в холл.

– Девочки, мы сейчас вернемся, – с пьяной любезностью сообщил Руслан.

В холле на Руслана напал приступ безудержного раскаяния.

– Ваню, сам не знаю, как это получилось! Ну дурак я, дурак!

– Я же тебе сказал, что у меня только двадцатка! Ну ты и debil!.. Мы же зависли, блин! Самым скотским образом зависли! Что мне теперь, штаны снять? Показать любезной публике стриптиз? А? Моего заказа там максимум на двадцать пять, а твоя на весь полтинник повеселилась.

– Ваню, надо что-то делать, – жалобно простонал Руслан, беспокойно заглядывая в зал, пестревший светомузыкой. – Выручай, Ваню.

– Я тебе что, рожу эти баксы? Это была моя последняя двадцатка. Я, блин, простой лейтенант нашей белорусской армии, а не Билл Гейтс. Миллионы у меня в подкладке не зашиты. Или ты думал, что нас тут за так обслужат?

– Ваню, у меня дома есть бабки! – осенило приятеля. – Под шкафом, в конверте. Съезди, потому что я совсем никакой...

– Все в порядке, господа? – заглянул в холл официант, приносивший им счет.

– Да-да, командир, все отлично! – помахал ему рукой Руслан.

– Ключи от квартиры гони! Быстрее! – потребовал тихо Иван. Но тут лицо Руслана перекосилось нескрываемым разочарованием:

– Блин, дома же теща... Это же полный атас! Она мне все жилы вытянет.

– Ну и мудак же ты, – поморщился Иван.

– Я знаю, Иван. Выручи, а! Век не забуду!..

Оставался последний вариант – ехать к себе домой и просить деньги у матери. Перспектива разговора с матерью среди ночи на тему ресторанного долга была для Ивана так отвратительна и настолько не предвещала ничего хорошего, что вся радость от этого вечера мгновенно улетучилась.

Но делать было нечего. Время шло, а позориться перед девчонками и чужими людьми не хотелось.

* * *

Зинаида Павловна бодрствовала. Света, сестра Ивана, недавно предложила матери помогать ей на вещевом рынке, вот мать и коротала вечера в подсчетах доходов-расходов. После смерти отца она места себе не находила, маялась, попивать стала с подругами... Так что предложение дочери хотя бы заняло ее мысли и свободное время.

Войдя в квартиру, Иван с отвратительной неловкостью размышлял о том, как бы начать разговор. Они с матерью раз и навсегда провели черту между своими доходами и тратами. Переходить эту черту на статье «Расходы» Ивану случалось, но по мелочи. Однако даже этих мелочей хватало на то, чтобы мать считала себя вправе подвергать его резкой и уничтожающей критике.

Что будет теперь, он даже думать не хотел.

– Иван, ты ужинать будешь? – не отрываясь от калькулятора и вороха бумаг, спросила мать.

Иван молча вошел в комнату и прислонился к косяку.

– Что воды в рот набрал? Разогреть я тебе не пойду. Занята, как видишь. Что-то тут никак не сходится... Светка-профуфрырка, наверное, хочет в трубу вылететь вместе со своими

шмотками. Такого в документации навертела, что сам черт ногу сломит. Господи, хоть ты не стой над душой! Иди, иди... куда-нибудь.

– Мам, мне нужны деньги.

– Мне они тоже нужны, мой хороший... – нараспев произнесла она. И в тот же момент осеклась, повернулась к нему и сняла очки: – Что? Что тебе надо?

– Деньги, – повторил он.

– М-г. Прямо сейчас? – удивилась Зинаида Павловна.

– Прямо сейчас.

– Так. И в чем дело? – в ее голосе появился холод, напоминавший дуновение северного ветра. Такое дуновение означало приближение ледяной бури. – Я тебя внимательно слушаю.

– Мама, мне просто нужны деньги.

– Сколько?

– Сотню. Я отдам тебе все до копейки. Как только смогу.

Иван терпеть не мог чувствовать себя униженным просителем. И это чувство не менялось, даже если приходилось просить о чем-то мать.

– Ну разумеется, ты все отдашь, – с издевкой согласилась Зинаида Павловна. – Только, милый мой, неужели ты, придя домой в половине... – она мельком взглянула на часы, – второго ночи, рассчитываешь получить у матери-пенсионерки сто долларов без всяких вразумительных объяснений?

Вразумительные объяснения... Как раз их-то у Ивана и не было.

– Мне просто любопытно: зачем моему сыну понадобились сто долларов среди ночи? Может, его жизни что-то угрожает и сумма в сто зеленых отведет эту угрозу? Или, возможно, ты прокатился на такси до Москвы и обратно только для того, чтобы полюбоваться видами вечерней российской столицы, а денег расплатиться с таксистом у тебя не хватило? Что может стоить сотню баксов во втором часу ночи?

– Ресторан, – тихо ответил Иван, чувствуя, как жар заливает лицо. – Мы с Русланом зависли в ресторане без денег. Нужна сотня.

– Прекрасно. Великолепно. Изумительно. Молодые люди культурно отдохнули в ресторане. Ничего не скажешь, молодые люди хорошо зарабатывают... У них денег куры не клюют.

– Мам, я прошу тебя, не начинай! – поморщился Иван.

– Нет, подожди, а чего ты отворачиваешься? Чего ты отворачиваешься? Ты мне вот что скажи. Сколько тебе лет? Я-то это знаю, просто хочу понять: осознаешь ли ты, что в таком возрасте пора иметь что-то под черепной коробкой? Ты что же думаешь, я деньги с деревьев срываю? Или мариную, потому что мне их девать некуда?

– Слушай, я же сказал, что отдам. Но сейчас помоги, прошу тебя!

Зинаида Павловна стояла напротив него, тяжело дыша, с отсутствующим выражением на лице. Спустя мгновение она вошла в спальню – и вышла оттуда, держа в руках бумажку благородного серо-зеленого цвета.

– Я дам тебе эти деньги, Иван. Дам. Но это будет первый и последний раз. Я не собираюсь оплачивать твои кабацкие похождения. Никогда. Я хочу, чтобы ты это запомнил. За привилегию быть взрослым, мой хороший, надо расплачиваться своими силами, а не чирикать и трепетать крылышками, привлекая внимание родителей и рассчитывая на их подачку.

Сунув ему деньги в руку, она снова скрылась в спальне, хлопнув при этом дверью.

Такого гадкого чувства уже давно не испытывал Иван. Стыд и злость буквально душили его. И даже расправа с Русланом вряд ли помогла бы почувствовать себя лучше.

Судя по всему, протрезвевший Руслан держал круговую оборону. Парочка плечистых парней в холле вежливо пыталась выяснить, собирается ли он платить. Иван в последнюю минуту спас положение – и, как бы там ни было, вздохнул облегченно.

– Иван, ты – человек, – лепетал Руслан, потерявший свою пессию в толпе мужиков, куривших возле ресторана.

– А ты – козел, – отозвался Иван, открывая дверь машины и усаживая Катю на переднее сиденье.

– Ну, блин, извини, что так получилось...

Иван сел за руль, включил зажигание и вывел машину на дорогу. Закурил нервно. Катя молчала. Он был ей за это благодарен, хотя и ощущал неловкость от такого молчания.

– Что-то случилось? – спросила наконец она. – Вы поссорились?

Катенька отлично знала причину ссоры, но, следуя женской интуиции, решила быть очаровательно наивной.

– Да так. Не бери в голову, – потеплел Иван. – Если человек с головой не дружит, я ничего не могу поделать.

Злость на Руслана проходила. Какой смысл злиться, если все наконец закончилось? Он едет с прекрасной девушкой, ни разу за весь вечер не сказавшей никакой глупости или откровенно банальной вещи. Конечно, достоинство и ум женщины не всегда определишь по ее словам, это Иван знал, но и откровенную, развязную, с завышенным самомнением дуру видно за километр. Шила, как говорится, в мешке не утаишь.

Встречал он и таких. Они истеричны и мнительны. Они нетерпимы и раздражительны. Они коварны и расчетливы. Они необоснованно требовательны и обидчивы. Настоящая мука иметь с такой особой дело... Поэтому Иван раз и навсегда решил придерживаться одного маленького правила, которое вывел для мужской половины человечества некий мудрец Сервус. Он сказал: «Испытывая привязанность, необязательно идти на поводу». Да и сам Иван с трудом представлял себя под каблуком подруги или жены. Не дождутся!

И если бы Катя, которая от вина была слегка пьяна, начала трепаться с Русланом, неся при этом полную чушь, Иван бы просто добился близости, пару раз ответил бы на ее звонки (а она обязательно позвонила бы), – и дело с концом. Но он оценил ее такт, разумное молчание в нужных местах и вполне одобрял шутки и реплики, которые она подавала за столом. Иван почувствовал уважение к ней за недемонстративность и отсутствие жеманства. А также гордость за то, что нашел ее в вагоне обычной электрички.

– Иван, извини, пожалуйста, – повернулась Катя к нему. – Не мог бы ты остановиться на минутку?

– Что, что такое? – тревожно спросил он, сворачивая к обочине.

– Немножечко перебрала, – слабо улыбнулась она. – Это пройдет. Руслан не давал пустовать моему бокалу.

Он помог ей выйти из машины, тревожно заглядывая в глаза. Катя дышала глубоко и тяжело.

– Мама меня убьет, – коротко засмеявшись, просто призналась она. – Кроме того, что напилась в стельку, так еще и приду домой заполночь. – Потом неожиданно сочувственно спросила: – Ты очень сильно потратился?

– Даже не думай об этом, – покачал головой Иван, ощущая захлестнувшую его нежность к этой хрупкой, скромной девушке. – И не говори, и не думай. Поняла?

«Сейчас он меня поцелует. Может быть, даже взасос... Если, конечно, он не такой же хлипкий мудака, как Толик».

В глазах Кати появилось нечто такое по-детски слабое и умоляющее, что Иван не мог удержаться.

«Так, так. Посмотрим, что мы умеем», – мысленно улыбнулась Катя, когда он легонечко прижал ее к дверце машины и осторожно приблизил свои губы. Первый поцелуй был легким, как бы приглашающим. Катя дала понять, что не возражает против такого развития событий. Она обожала это ощущение новизны, когда человек думает о тебе только хорошее, и ты сама

похожа на идеальный, без единой ошибки текст; ты еще ничего не сказала и не сделала, но тебя желают. Желают и любят не за что-то, а просто так, просто потому, что ты есть на свете – пока еще без недостатков и досадных изъянов. Потом все могло быть по-другому, но сейчас именно так, и никак иначе. Нет ни взаимных обязательств, нет недомолвок. И оттого так легко на душе, так все несложно и так ново.

Сильные жаркие губы вызвали во всем ее теле сладкую дрожь, испытываемую не так часто. Мальчики, с которыми она встречалась, всего лишь изображали из себя настоящих мужчин, а Иван (Катя, как и все женщины, прекрасно это чувствовала) БЫЛ настоящим мужчиной, знавшим, как вести себя с женщиной. Он не сомневался ни в одном своем жесте, не думал о том, как выглядит со стороны.

– У меня есть ключи от теткиной квартиры. Там никого нет, – прошептала она, отлично понимая, что молодой лейтенантик попался и теперь никуда не денется.

– А что скажешь маме? – засмеялся он.

– Я ужасная, неисправимая врунья. Скажу, что ночевала у подруги.

– Тогда, чтобы ты не чувствовала себя виноватой, я буду твоим... другом.

– Ладно. В таком случае выпьем чаю, посплетничаем и – баиньки, – хитро согласилась она.

– Баиньки так баиньки, – кивнул он, понимая, что никаких «баинек» не будет.

* * *

Поговорить с прапорщиком Луциком оказалось не таким уж простым делом. То он уезжал старшим машины на хлебозавод, то отправлялся по каким-то еще хозяйственным поручениям. Прапорщик был неуловим, как ртуть. А поговорить с ним Ивану очень хотелось, потому что намеки, которые делал ротный замполит Ромашкин в отношении арестованных бойцов, были более чем тревожные.

– Крышка им обоим, вот что, – отвечал верткий Ромашкин, ухитрявшийся заниматься своими делами в служебное время, не оказываясь при этом в числе худших офицеров, неизменно упоминавшихся на собраниях. В казарме он появлялся только с утра, быстренько писал свои замполитовские бумажки, в темпе проводил занятия с солдатами, после чего исчезал в неизвестном направлении.

– По материалам расследования им припаяют от самого малого – «неподчинение» – до «нанесения легких телесных», – продолжал Ромашкин, не переставая что-то писать в толстой тетради быстрым ровным почерком.

– Ты читал их объяснительные?

– Иван, – поморщился Ромашкин, быстро взглянув на него своими чуть раскосыми татарскими глазами, – вряд ли их писульки что-то изменят. У нас до тебя одного «гоблина» посадили. Он трех молодых ночью хотел построить. Построил, разбив одному нос. Потом писал в своей объяснительной, что, мол, ни в чем не виноват, тот сам упал-отжался, и все в таком духе. А тут надавали по «фанере» заслуженному прапору – и ты хочешь, чтобы их расцеловали в лобик и отпустили с миром?

– А если они его действительно вообще не трогали?

– Слушай, ты как будто первый день в армии, – Ромашкин даже оставил свою писанину. – Ты что, солдатню нашу не знаешь? За этими скотами нужен глаз да глаз. Ты им делаешь доброе дело, а они тебе же и нагадят с верхушкой. Типичный пример. Был у нас такой боец Орлов. Приезжает посреди недели к нему брат. Боец просит: «Товарищ лейтенант, отпустите на час, пожалуйста. Все будет нормально, клянусь. Просто посидим у КПП, поговорим». Отпускаю. Час нету, два нету... Звонят из милиции: поймали в городе в нетрезвом виде. А потом стоит эта козлина перед тобой с перегаром за километр, и глазки у него такие же честные. «А что

такое, – спрашивает. – Вы же сами меня отпустили...» Солдату верить в иных случаях никак нельзя, Иван. И ты отлично это знаешь. Чего ни коснись. Хоть службы, хоть каких-то чисто жизненных вопросов.

– Но нельзя всех под одну гребенку грести! – возразил Иван.

– Нельзя, – с готовностью согласился замполит. – Только они сами себя под эту гребенку гребут.

– А что говорят те, кто был с ними тем вечером?

– А что они могут говорить? Либо ничего не видели, либо подтверждают слова этих придурков, хотя тоже ничего толком знать не могли. Луцик же уперся на своих показаниях рогом. Лично я думаю, что он не стал бы этого делать, если бы это были не они.

– А мне кажется, Луцик врет. Срывает злость на солдатах за то, что когда-то они над ними посмеялись. А настоящего виновного мы не ищем.

– Возможно, это действительно жутко забавно, только смеяться последним будет все же Луцик, – покачал головой замполит. – Он хоть и гад, но солдатне этого оставлять так нельзя. На голову сядут.

После разговора с Ромашкиным Иван понял, что судьба парней решена. И решена с легкостью.

Выйдя из казармы, Иван встретил старшего прапорщика Дерковича, старшину роты.

– Приветствую лучших людей, – широко улыбнулся старшина, пожимая Ивану руку. Приветливость Дерковича распространялась так далеко, что он мог пожимать всем руки при каждой встрече. Но приветливость эта была, как потом понял Иван, искусной ширмой.

Как-то раз они шли вместе из казармы к КПП, и старшина так же пожимал встречным сослуживцам руки. Однако стоило сослуживцу отойти, Деркович, не переставая улыбаться, цокал языком и говорил: «Козел этот безрогий неделю назад дрель взял – и ни слуху, ни духу. Вот и верь людям. Что ты! Не успеешь оглянуться, как из-под тебя вытащат». Впрочем, говорил он это без злобы, как бы между прочим, констатируя факт всеобщей нечестности, против которой лично он, старший прапорщик Деркович, абсолютно бессилен.

Большими плюсами старшины были его оборотистость по хозяйственной части, тихий, но непререкаемый диктат в роте среди солдат и готовность помочь в любом вопросе. Как бы ни матерился Деркович тихонько в своей каптерке, нужное и требуемое доставалось и исполнялось.

– Макарович, вы Луцика не видели? – спросил Иван.

– Луцика? Так он сегодня по столовой заступает. Наверное, на складе должен быть. Продукты получает. А вам он зачем? – лукаво поинтересовался старшина.

– Да так, поговорить надо, – неопределенно ответил Иван.

– Если насчет солдатиков, так это бесполезно. Я с ним уже говорил. Ты же дурак, говорю, – перешел на интимный полусшепот Деркович. – Что ты делаешь, говорю. Такую бучу поднял. И себя грязью обмарал, и пацанов этих. Ты же, говорю, соображать должен. Тридцатник скоро стукнет... Только моргает, дурачина. Я, говорит, не отступлю. Подоляко, мол, давно уже напрашивался. А что Подоляко? Я на него как на себя полагался. Нормальный хлопец. Держи его в кулаке, толк будет. А если ты – сопля на ветру, так тут уж никто не виноват.

К аресту двух солдат роты, и в особенности Подоляко, старшина относился с нескрываемым раздражением по многим причинам. Так уж повелось, что Деркович всегда выбирал себе среди бойцов некое доверенное лицо. Не в смысле стукачества (к слову, старшина и без стукачей знал каким-то образом о роте все), а в смысле хозяйственных вопросов. Старшина ведь тоже человек, и ему надо бывать дома, а в роте постоянно необходимо выдавать и принимать рабочую одежду, инструменты, следить в банные дни за сдачей постельного белья... Арест Подоляко означал, что надо либо все это делать самому с утра до позднего вечера, либо искать другого бойца, подходящего на эту «должность».

– Так Луцик на складе? – переспросил Иван.

– Должен быть там, – кивнул Деркович.

Попрощавшись со старшиной, Иван повернул к столовой, за которой располагались вещевые и продуктовые склады.

Двери склада, окаймленного широким бетонным выступом для удобства разгрузки с машин, были широко раскрыты. Возле них сустились солдаты в рабочей форме.

– Луцик тут? – спросил у одного из них Иван. Солдат кивнул.

Прапорщик Луцик, судя по всему, пребывал в прекрасном расположении духа. Он сидел за небольшой остекленной конторкой вместе с начальником склада и что-то со смехом ему рассказывал. Начальник склада, старший прапорщик, тоже заходился от смеха.

Иван постучал пальцем в стекло и кивком головы попросил Луцика выйти.

– Чего тебе? – отозвался Луцик с неподражаемой наглостью.

Если бы кровь могла вскипать, как описывают это некоторые авторы, именно такое явление в эту минуту постигло бы Ивана. Но кровь у него не вскипела. Просто в душе возникло бесконечно глубокое чувство оскорбленности. Оскорбленности своего «я», своего положения и мундира, доставшегося многолетним курсантским потом.

Рванув на себя дверь, Иван вошел в конторку и произнес ледяным тоном:

– Товарищ прапорщик, оторвитесь на минутку от своих очень важных дел, застегнитесь, приведите себя в порядок и следуйте за мной. Второй раз я повторять не буду.

Хлопнув дверью, Иван вышел из прохладного склада и направился за угол, где валялись старые разломанные ящики. Луцик, застегиваясь на ходу, бежал за ним. Вид его за это короткое время претерпел значительные изменения. На лице появилась примирительная улыбка, наглость в глазах спряталась, оставив на поверхности только крохи, и то лишь для того, чтобы замаскировать страх.

– Иван, ты чего, в самом деле?

Луцик все еще пытался казаться равным, имеющим право называть Ивана по имени, а не по званию, что было для него непривычным.

– Ничего, урод, – процедил Иван, затаскивая прапора в закуток и прижимая его к стене. – Я что, похож на твоего друга из пивнухи? Или мы вместе по бабам ходили? Еще раз ляпнешь «чего тебе», сделаю плохо. Я не стану рапорта строчить – выловлю в городе по гражданке и отфигачу по полной программе. Уяснил?

И в этот момент Иван понял, что совершил ошибку, разозлившись и перейдя на неофициальный тон. В глазах Луцика снова всплыла наглость.

– Вы мне угрожаете, товарищ лейтенант?

– Нет, просто предсказываю недалекое будущее.

– Тогда я скажу вот что. Фигачили уже такие. Теперь на лекарства работают.

– Луцик, тебе кто-нибудь говорил, какое ты гэ? – прищурился Иван.

– Это все? – усмехнулся тот.

– Нет, не все. Просто я хочу знать, что произошло на самом деле.

– Я все написал в рапорте.

– А мне кажется, не все. Мне даже больше кажется, что написал ты то, чего не было. Ты хоть понимаешь, что после этого солдаты тебя еще меньше уважать будут?

– А я, в отличие от некоторых, с солдатами в канцелярии после отбоя кофеи не распиваю, – с глумливой ухмылкой произнес Луцик.

Иван, действительно любивший поговорить «за жизнь» со своими сержантами, стоявшими в наряде по роте, – и те невольно уважали его за человеческое к ним отношение, – теперь понял, кто именно «настучал» замполиту части об этом «позорном» факте.

«Вы хоть понимаете, что это панибратство, товарищ лейтенант?» – со злостью пищал тогда майор Чайко, почему-то напоминавший Ивану Чичикова.

«Если вы, товарищ майор, называете “панибратством” то, что я могу вам прямо сейчас доложить имя, фамилию, дату рождения, характеристику и семейное положение каждого бойца в моем взводе, то пусть это будет панибратством», – спокойно отвечал Иван.

«Вы мне не разводите тут демагогию! Не надо. Просто недопустимо, чтобы офицер распивал чай-кофеи с солдатами! Повторяю вам, если вы не понимаете, что это махровое панибратство!» – ярился майор.

«А как тогда назвать то, что трое солдат стеклили балкон в вашей квартире?» – спросил Иван.

Не найдясь с ответом, майор опустил глаза и махнул на дверь: «Идите и больше не допускайте таких фактов».

Каждая такая встряска в кабинете начальства оставляла неприятный осадок в душе, и, возможно, теперь перед Иваном находился человек, изначально виновный в этом гадком чувстве, испытываемом всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с предательством.

– Ну и скотина же ты, Луцик... Неумная и подлая скотина.

– А за эти слова, Иван, можно и ответить, – покачал тот головой.

– Я отвечу за любые слова, сказанные в отношении тебя. И ни у кого за спинами шушукаться не буду.

– Вот и поговорили, – приводя в порядок форму, нервно хохотнул Луцик. – А напоследок, лейтенант, советую все же выбирать выражения. Тут, в Луговой, есть целый цыганский район, а там у меня много друзей. Так что кто кого отфигачит – большой вопрос. Не лезь ко мне. А я не буду лезть к тебе. Всего-то. А сосунков этих я посажу, можешь не сомневаться. Трех за свою службу посадил – и этих посажу.

– Посмотрим, – кивнул Иван.

– И смотреть нечего. Сядут как миленькие.

– Ты, блин, действительно дурак. Ты ведь никто, Луцик. Никто. Что такое ты без армии, без своих погон? Ты бегаешь, жалуешься на солдат каждому начальнику, но сам ничего сделать не можешь. И то, что посадят этих пацанов, ничего не изменит.

Последнее Иван говорил уже в спину быстро удалявшемуся к зданию столовой Луцику. Шел тот гуськом, нарочито небрежно засунув руки в карманы, но спина... Вид этой чуть согнутой спины внушал Ивану надежду, что слова зацепили подлеца. Должны были зацепить!

* * *

...Мало того, что зарплата была маленькой, так еще и существовал строгий запрет на иной вид деятельности, кроме военной. Однако все потихоньку подрабатывали. Кто где мог. И кто как умел. А иначе нельзя было прокормить семью.

Иван тоже подрабатывал. Лейтенантское жалование имело обыкновение кончаться уже после второй недели. Тогда приходилось переходить на бульонные кубики, китайскую лапшу и хлеб. И как только наступало такое время, он брал с согласия отца машину и таксовал по городу. По этому поводу Иван уже много раз имел нелিপкие разговоры с соответствующими начальниками, которые узнавали об этом непонятно как.

И в этом бардаке никто бы и думать не стал о судьбе двух солдат.

Это задевало Ивана. Задевало равнодушие. Задевала неумная злоба Луцика, решившего утверждать свой авторитет такими бесчестными методами. Это не было правильным. Но что противопоставить Луцику, теперь уже ошестившемуся из какого-то своего извращенного принципа? Что?..

Этого Иван пока не знал. Конечно, прапорщик Луцик еще получит свое, но не от руки офицера Вишневого. Марать руки об это чудо природы не хотелось. И не потому, что Ивана испугали туманные намеки о многочисленных друзьях в цыганском районе (такая мысль ему

и в голову не приходила), а просто из-за того, что вряд ли удовольствие разбить луциковскую рожу помогло бы делу. Нельзя было давать Луцику лишний повод чувствовать себя жертвой, отчего тот стал бы еще яростнее защищать свою иезуитскую позицию в отношении бойцов.

Но придумать что-то было необходимо. Иначе двум молодцам ни за что ни про что могли припаять срок. Очень даже могли.

* * *

Командир второй роты капитан Миронов отличался удивительным спокойствием, трудолюбием и упрямством. Маленький, с молодости седовласый, он завел привычку курить трубку в минуты досуга, напоминая профилем актера Ливанова в роли Шерлока Холмса.

Долгое свое пребывание в должности ротного и капитанские звездочки объяснялись нежеланием делать карьеру. Ну вот нравилось ему с утра до ночи по пояс торчать под капотом «Уралов» и ЗИЛов! Найти Миронова можно было в двух местах – в канцелярии за документами или в ротных боксах, в автопарке. В канцелярии был он хмур и неразговорчив, а вот в автопарке преображался. О машинах своих говорил не как о чем-то неодушевленном, а словно все они были живые и с характером.

К «Уралу» с кунгом приемного центра Р-454 Миронов относился как к капризному и норовистому старому льву – машина часто ломалась, одышливо плевалась горячим газом. Ротный подходил к ней после очередной поломки и, нырнув под капот, тихо и примирительно бормотал что-то. А юркий ГАЗ-66 с кунгом радиостанции Р-111 он называл охламоном и иногда спрашивал: «Ну, что, охламон, побегаешь еще?»

На совещание к командиру батальона капитан Миронов являлся порой по локоть в мазуте, с полосками масла на лице. Садился на краешек стула, чтобы не испачкать, и оживлялся только тогда, когда разговор заходил о двигателях и топливе.

Не было в полку машин более ухоженных и надежных, чем в роте капитана Миронова. Солдаты, привыкшие к такой манере общения ротного с машинами, и сами невольно перенимали у него уважительное отношение к технике. Передавая свои «тачки» молодым водителям, заставляли вникать в каждую мелочь, в каждый нюанс работы, с едва сдерживаемой слезой и тяжестью в сердце покидали родную кабину.

Спокойствию ротного в самых разных ситуациях могли позавидовать древние стоики, а его безмятежность сделала бы честь эпикурейцу. Худой и низкорослый, с чуть кудреватой седой растительностью на голове, имевший обыкновение говорить размеренно, без криков, матов и армейских выражений, он в принципе не мог не вызвать благоговейный трепет в солдатских сердцах. Но удивительное дело: солдаты его очень уважали. За справедливость и рассудительность.

Все в роте капитана Миронова было несколько иначе, чем в других подразделениях. Всякий раз, когда заходила речь о второй роте, возникало ощущение правильности, какой-то удивительной четкости и завершенности, созданной ротным в коллективе. В отличие от других, рота капитана Миронова была управляема. И управляема не внутренними лидерами, на которых в большинстве своем полагались командиры подразделений, а только одним человеком – самим капитаном Мироновым. Его приказы, отданные тихим, спокойным тоном, выполнялись без оговорок и увиливаний.

Конечно, в его роте были разные люди, призывы менялись, потому и возникали ситуации, нарушавшие общую картину, но капитан Миронов снова и снова доказывал, что безнадежных случаев для него просто не бывало. Рано или поздно каждый его солдат занимал в роте предписанную ему нишу. Прознав о такой способности Миронова, командование части переводило во вторую роту самых ненадежных, самых строптивых солдат. Миронов, конечно, от этого «начальственного внимания» в восторг не приходил, но и поделаться ничем не мог.

Как не мог ничего поделывать и со своим старшиной роты старшим прапорщиком Задонским, называемым всеми Тараканом за проницательность и пышные, рыжеватые от табака усы.

Воспитывать старшего прапорщика Задонского было бессмысленно. К его старшинскому хозяйству трудно было придраться. Бумаги, накладные, ведомости, тетради учета находились в идеальном порядке. Однако хитрый Таракан как-то удосуживался продавать кое-какое мелкое военное имущество. К тому же Таракан имел крепкое положение в части благодаря умению подмасливать начальство, вечно что-то строившее или ремонтировавшее, которому постоянно требовались умелые руки. Задонский, к его чести будет сказано, действительно имел золотые руки. Но при таких руках ближе к пенсии Таракан стал ленив до совершенного неприличия.

– Я свое отпахал! – хорохорился он в курилке. – Теперь вы, молодые, на весла садитесь!..

...Задонский после обеда как испарился. Войдя в спальное расположение, капитан Миронов неожиданно заметил что-то за двухъярусными кроватями и проговорил:

– Ага, голубчики, понятно. Подкрепляемся? А старшины на вас нет... Ну ладно!

Можно было видеть, как трое бойцов, комфортно устроившись на кроватях и разложив на газетке домашнюю снедь, с аппетитом ее поглощали.

– Значит, до ужина потерпеть не могли? Решили заточить втихомолку, в спокойной казарменной обстановке? Что ж, други мои, я вас понял, – кивнул Миронов. И тихо сказал молодому взводному, вышедшему из канцелярии лейтенанту: – А теперь смотри, как я этих «голодных» учить буду.

После чего громко крикнул:

– Дежурный, стройте роту!

Со всех углов на «взлетку» посыпались солдаты, ожидавшие построения на ужин.

Троих обжор Миронов выставил перед строем в том виде, в каком они были обнаружены: в майках, брюках и тапочках.

В расположении второй роты установилась необычная тишина.

– Равняйся! Смирно! – скомандовал дежурный и повернулся к ротному.

– Вольно, – козырнул капитан Миронов. – Итак, товарищи солдаты. Вам, вероятно, интересно, почему три ваших товарища стоят сейчас перед вами в таком непрезентабельном виде? Я вам скажу. Это несчастные, голодные дети.

По строю пронеслась волна сдерживаемых смешков, а трое довольно упитанных «детей» потупились со смущенными улыбками.

– Бедные дети так страдали от недоедания, что даже не смогли встать с кроватей и дойти до столовой, чтобы утолить голод. Печально. Думаю, все со мной согласятся, если мы, не дожидаясь ужина, позволим этим несчастным доест. Не дай Бог им станет плохо по пути в столовую.

Дежурный сержант уже стоял с пакетом. Пакет был передан провинившимся.

– Ешьте, – кивнул Миронов. – Даю вам честное слово, что рота никуда не двинется, пока вы все не съедите. Кушайте спокойно. Если рота немножко опоздает на ужин, это не страшно.

Солдаты неуверенно запустили руки в пакет. На свет божий выглянули: куриная ножка, огурец и шмат сала. Каждый неуверенно откусил от доставшегося ему продукта.

Строй все больше изнывал от еле сдерживаемого смеха. И чем больше и торопливее провинившиеся запихивали в себя снедь, тем неудержимее звучал смех.

А потом наступила тишина. Да и «голодающие» больше не хихикали. Они отворачивались, медленно пережевывая остатки еды. Рота погрузилась в гробовое молчание.

По всему было видно, что эти трое с большим удовольствием провалились бы сквозь пол казармы, лишь бы не стоять сейчас перед строем. Можно было не сомневаться, что такая наука пойдет им впрок больше, чем несколько внеочередных нарядов. Коллектив умел презирать. И если он выражал презрение смехом, презираемым от этого было не легче...

Ротный не смотрел на них. Он был, казалось, рассеян и бесстрастен. Ни гнев, ни презрение не читались на его лице.

А потом он заговорил, сначала приказав «обжорам», тоскливо доедавшим огурец:

– Приведите себя в порядок и встаньте в строй, товарищи солдаты... Хочу спросить у вас... У всех вас: почему? Почему это возможно – трое втихую жрут, а остальные смотрят? Вы же сослуживцы, песни под гитару в сушилке вечерами поете, на физо вместе умираете, спите все в одной казарме... А завтра объявят тревогу – экипажи на машины, и вперед в поля! А там кухня подзадержится, и кто-то с пакетиком снеди устроится под какой-нибудь сосенкой и будет... питаться, не разделив хлеб с товарищами... Такое может быть? Может? – возвысил голос ротный, осматривая ряды своих солдат, невольно вытянувшихся по стойке «смирно». – Я спрашиваю: может или нет?!

– Нет, не может, – прозвучал в тишине голос командира отделения сержанта Великодного.

– Не спрашиваю теперь, почему, – продолжил капитан Миронов. – Наверное, все понимают. Но спрошу: почему здесь, в казарме, возможно? На полевом выходе, на войне – нельзя, а тут можно?

Молчание было ему ответом. Строй стоял, не шелохнувшись.

– Я все сказал, товарищи солдаты. Готовьтесь к обеду. Вольно. Разойдись!

Ротный повернулся и вышел из казармы.

Строй некоторое время стоял в том же положении. Потом, словно очнувшись, распался. Но без привычного оживления.

Никто не смотрел друг другу в глаза.

Взводный хотел было сказать что-то, но передумал. Говорить после ротного Миронова было глупо.

* * *

Войдя в канцелярию второй роты, Иван застал Миронова в размышлении над листком, вырванным из ученической тетради. Листок был исписан крупными буквами.

– День добрый, Михалыч, – жизнерадостно поздоровался Иван.

– Здорово, здорово, – кивнул Миронов, откладывая листок и вставляя в мундштук сигарету. Курил он исключительно отечественные сигареты, пренебрегая повсеместно распространенными громкими зарубежными марками, и только через мундштук. Вкупе с этой деталью дымчатые очки и чуть всколоченная седая шевелюра делали его похожим на ужасно интеллигентного физика времен разгула социализма.

– Хочешь посмеяться? – спросил Миронов и подал исписанный листок. – Читай.

«Я радавое Сингаевски пашол на пошту патаму што хацел бросіць письмо сам. Но тут миня поймал прапаршчык Луцык и сказал почему я не в казарме. Я сказал што хацел забросіць писмо. Он сказал что запишет меня патаму што я не застегнут. Это все што я магу сказать па этаму вапросу.

13 июня 199... Рад Сингаевски»

Иван сдержанно хрюкнул, возвращая листок.

– По письму – дурак дураком, – сказал Миронов, попыхивая сигаретой. – А ведь это совсем не так. Нормальный пацан. Как все. Может быть, даже сообразительнее некоторых. А мне говорят: наказывай. За что? За то, что дебилый прапор, носящийся по всему гарнизону, как раненый олень, встретил его расстегнутым в жаркую погоду, а потом самоотверженно доложил об этом коменданту? А этот солдат, хоть и не умеет писать грамотно, зато любую машину с завязанными глазами починит. Вот и посуди, в каком я положении. За ерунду готовы сожрать

солдата со всеми потрохами. И про твоих уже слышал. Подоляко у меня служил, его я знаю. Конечно, он тот еще жук, но совсем не дурак. Связываться с Луциком в открытую не стал бы. Кто там еще с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.